

Научная статья
УДК 94(47)“195/196”
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.25>

Концепция «новый человек» и проблемы ее реализации в СССР в 1950–1960-е гг. (на материалах Ленинграда)

Фёдор Кузьмич Ярмолич^{1,2}

¹Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург, Россия, f.k.1985@mail.ru

²Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени И.П. Павлова, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются основные компоненты концепции «нового человека». На материалах Ленинграда проанализированы причины, которые не позволили реализовать ее в полной мере. К одной из них относилось асоциальное поведение некоторых советских граждан в 1950–1960-е гг. При изучении предпосылок этого социального явления указываются его причины и механизм, с помощью которых советские органы управления стремились избавиться от данного элемента советской повседневности. Одним из инструментов, позволявших реализовать концепцию «нового человека» и одновременно частично решить проблему нарушения гражданами СССР общественных и правовых норм и правил, выступали учреждения культуры. Инструментарий, находившийся в их распоряжении, был значителен и многообразен. Это позволяло делать транслируемую информацию интересной для определенной части городского населения, в том числе для молодежи, среди которой доля асоциального поведения была выше, чем в других возрастных группах.

Ключевые слова: «новый человек», хулиганство, учреждения культуры, образ, Ленинград

Для цитирования: Ярмолич Ф.К. Концепция «новый человек» и проблемы ее реализации в СССР в 1950–1960-е гг. (на материалах Ленинграда) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 152–157. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.25>.

Original article

The Concept of the “New Man” and the Problems of Its Implementation in the USSR in the 1950–1960s (Based on the Materials of Leningrad)

Fedor K. Yarmolich^{1,2}

¹St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia, f.k.1985@mail.ru

²First St. Petersburg State Medical University named after I.P. Pavlova, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article discusses the main components of the concept of the “new man”. Based on the materials of Leningrad, it is proposed to analyze the reasons that did not allow it to be fully implemented. One of them was the antisocial behavior of some Soviet citizens in the 1950s and 1960s. In analyzing the prerequisites for this social phenomenon, its causes and mechanism are indicated, by means of which the Soviet authorities sought to get rid of this element of Soviet everyday life. Cultural institutions were one of the tools that made it possible to implement the concept of the “new man” and at the same time partially solve the problem of violations of social and legal norms and rules by citizens of the USSR. The tools that were at their disposal were significant and diverse. This made it possible to make the broadcast information interesting for a certain part of the urban population, including young people, among whom the percentage of antisocial behavior was higher than that of other age groups.

Keywords: “New Man”, hooliganism, cultural institutions, image, Leningrad

For citation: Yarmolich, F.K. (2022) The Concept of the “New Man” and the Problems of Its Implementation in the USSR in the 1950–1960s (Based on the Materials of Leningrad). *Society: Philosophy, History, Culture*. (8), 152–157. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.8.25](https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.25) (In Russian).

Построение коммунистического общества в СССР сопровождалось неудачами, просчетами и, конечно, успехами. Все это приводило к парадоксальной ситуации, когда отступление от первоначальной задачи все равно имело положительный результат. Данная противоречивость, характерная для многих сфер социальной, экономической, политической и культурной жизни СССР, проявила себя и в отношении концепции «нового человека». На материалах Ленинграда 1950–1960-х гг. предлагается проследить, какой положительный эффект оказала на общественную жизнь советского социума реализация этой концепции.

В современной историографии часть ученых высказывают точку зрения, что теоретический постулат о «человеке коммунистического завтра» разрабатывался в спешке, поэтому ему не хватило проработанности, главные его положения носили общий характер и в должной мере не объяснились населению страны: «С “новым человеком” разобрались пока просто, хотя и исключительно теоретически. Каждый советский человек обязан стремиться к тому, чтобы стать “новым” коммунистическим человеком, а конкретные черты этого “гомо коммунистический” пусть додумывает самостоятельно, достаточно лишь дать общее направление. В результате об образе “нового человека” было известно лишь то, что в нем должны гармонично сочетаться “духовное богатство, нравственная чистота и физическое совершенство”» (Ванюков, 2007: 156). Однако это утверждение не совсем верно. После смерти И.В. Сталина начинается пересмотр некоторых постулатов советской идеологии, в том числе идеи человека. В конце 1950-х гг. переосмысливается роль человека в меняющемся советском обществе, это находит отражение в материалах XXI съезда КПСС (1959 г.), в рамках которого руководство СССР предпринимает попытку сформулировать основные принципы будущей программы преобразования человека: «Вся идеологическая работа нашей партии и государства призвана развивать новые качества советских людей, воспитывать их в духе коллективизма и трудолюбия, социалистического интернационализма и патриотизма, высоких принципов морали нового общества, в духе марксизма-ленинизма»¹. Именно в это время в информационном пространстве Советского Союза появляется термин «новый человек».

Обозначенное на XXI съезде стремление пересмотреть содержание идеи человека в полной мере воплощается в рамках XXII съезда КПСС, в материалах которого вопросу создания «нового человека» посвящаются две отдельные главы: IV «Развитие коммунистических общественных отношений и формирование нового человека» и V «Задачи партии в области идеологии, воспитания, образования, науки и культуры». Здесь детализация образа человека коммунистического общества достигла высшей точки. Ни до XXII съезда, ни после него такого внимания к данной проблеме в рамках съездов КПСС не уделялось. Уже материалы XXIII съезда Коммунистической партии Советского Союза (1966 г.)² не содержат отдельных глав, описывающих представителя будущего советского социума, все ограничивается констатацией темпов роста уровня жизни, образования и культуры населения страны. В этом отношении показательным является периодичность употребления термина «новый человек» или его эквивалентов в материалах трех съездов КПСС конца 1950-х – 1960-х гг. В рамках XXI съезда понятие «новый человек» не использовалось, но фигурировали категории «формирование человека коммунистического общества» (1 раз) или «человек будущего» (1 раз); в программных и рабочих документах XXII съезда термин «новый человек» встречается 9 раз³; а XXIII – всего единожды⁴. Более того, в материалах последнего съезда эквивалента сочетанию «новый человек», как это было в программных документах XXI съезда, нет.

Обращение к идеологической, научной, научно-популярной литературе, периодической печати и другим источникам массовой информации 1950–1960-х гг. демонстрирует, что идея «нового человека» на протяжении обозначенного периода не только детально разрабатывалась, но и активно популяризировалась. Основные компоненты концепции представляют жителя будущего коммунистического общества обладателем научного мировоззрения; всесторонне, гармонично и творчески развитой личностью; располагающим высокими морально-нравственными принципами, эстетическими представлениями и гуманистическим взглядом на мир; занимающим активную политическую и общественную позицию; совмещающим в себе идею интернационализма и советского патриотизма; признающим особую роль коллектива и трудовых отношений в своей жизни.

Воплощение перечисленных постулатов зависело от многих факторов экономического, социального, культурного и политического характера. Свою лепту в этот процесс вносило и избавление общества от случаев асоциального поведения, информация о котором не замалчивалась властью, а выносилась на общественное обсуждение как через средства массовой коммуникации (литературу, периодическую печать), так и с помощью партийных, профсоюзных и производственных собраний трудовых коллективов организаций. На заседании Ленинградского городского комитета КПСС в 1955 г. обращалось внимание на случаи хулиганства в парках и садах города⁵,

¹ О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 гг. : доклад Н.С. Хрущева от 27 янв. 1959 г. // Материалы внеочередного XXI съезда КПСС. М., 1959. С. 46.

² Отчетный доклад Центрального комитета КПСС XXIII съезду Коммунистической партии Советского Союза : доклад Первого секретаря ЦК товарища Л.И. Брежнева от 29 марта 1966 г. // Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966.

³ Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 86–411.

⁴ Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966. С. 87.

⁵ Протокол № 88 заседания бюро Ленинградского городского комитета КПСС от 13 июля 1955 г. // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 25. Оп. 70. Д. 85. Л. 7.

которые, к сожалению, не носили единичного характера, а были массовым явлением: «По официальным данным, преступность в СССР в 1950-х гг. стремительно росла, при этом большую часть зафиксированных правонарушений составляло хулиганство» (Котова, 2018: 180).

Нарушение норм общественной жизни было характерно для представителей всех возрастных категорий Ленинграда, но в наибольшей зоне риска находилась молодежь. В 1956 г. на собрании партийной организации ДК Промкооперации участники отмечали, что «вечера, танцы платные и закрытые вызывают просто горечь. Критерием качества вечера является количество разбитых стекол, количество машин из пикета. Что же делается на вечере? Надо больше внимания уделять вечерам и помочь Шилингу. Он больше внимания уделяет “контролю” – и мало бывает в зале. Нужно продавать билетов на 100–150 меньше. Быть может, сделать вечера не только для молодежи, но приглашать и людей более старшего возраста. На закрытых вечерах молодежи выступают коллективы самодеятельности – это сплошной фокстрот и душераздирающее самбо – наш контроль здесь отсутствует. Мало у нас утренников для молодежи»¹. Проблемы в поведении молодого поколения обсуждалась на конференции работников клубных учреждений Ленинграда (в декабре 1956 г.): «Мы подчас в ряде институтов сталкиваемся с фактами, позорящими звание советских студентов. Отдельные студенты приходят на вечера подвыпившими, ведут себя развязно, подражают так называемым “стилягам”, грубо обращаются с девушками и т. д. Это имело место на факультетском вечере Ленгосуниверситета геологического факультета, на вечере гидрометеорологического института, на факультетском вечере Горного института»². Асоциальность в поведении фиксировалась не только в студенческой среде, но и в рядах трудовой молодежи. На совместном совещании Ленинградского областного совета профсоюза и Областного комитета ВЛКСМ (1958 г.) указывалось, что в столовых, находящихся вблизи заводов, в период получения заработной платы наблюдалась одна и та же картина: «по нескольку вечеров подряд молодые рабочие завода пропивают свои зарплаты. Эти выпивки в столовой стали традицией»³.

Наступление 1960-х годов не избавило советский социум от случаев нарушений отдельными его представителями правил общественной жизни и норм законодательства: «Основным контингентом несовершеннолетних преступников являются подростки, работающие на производстве. В 1962 г. они дали 56,6 % от общего количества преступлений, совершенных несовершеннолетними; 16 % участников преступлений составили воспитанники училищ Профтехобразования, около 14 % учащихся школ РОНО. <...> Участились случаи, когда подростки, поступив на работу на предприятия, попадали под дурное влияние взрослых, имея самостоятельный заработок, начинают употреблять спиртные напитки, нарушают трудовую дисциплину, совершают преступления»⁴.

Конечно, на протяжении 1950–1960-х гг. городские власти стремились решить эту проблему, используя широкий инструментарий: от профилактических мероприятий до применения при необходимости более серьезных мер воздействия на человека, что имело положительный эффект. В частности, в Ленинграде в 1964 г. отмечалось снижение как общей преступности, так и детской⁵, но сделать из этого общий тренд в 1960-е гг., видимо, не удалось, поскольку уже в 1966 г. «преступность в Ленинграде остается высокой, медленно снижается число правонарушений, совершаемых подростками в возрасте до 18 лет. Недостаточно осуществляется профилактика правонарушений»⁶.

Список антиобщественных поступков, с точки зрения советской власти, не ограничивался только распитием алкогольных напитков, хулиганством и драками в общественных местах, к нему следует добавить и прослушивание музыки, которая не отвечала идеологическим требованиям и нормам. Это было характерно для 1950-х гг., когда на уровне центральных органов власти поднимался вопрос о чрезмерном распространении западной песенно-танцевальной музыки. Отмечалось, что она каждый день звучала в пионерских лагерях, санаториях, домах отдыха, летних

¹ Протокол № 7 закрытого партийного собрания парторганизации Дома культуры Промкооперации от 18 дек. 1956 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 742. Оп. 5. Д. 7. Л. 144.

² Заседание секции по организации отдыха 18 дек. 1956 г. : стенографический отчет конференции работников профсоюзных клубов, домов, дворцов культуры г. Ленинград и Ленинградской области // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. р-6276. Оп. 273. Д. 75. Л. 23.

³ Стенографический отчет объединенного пленума Леноблсовпрофа и Областного комитета ВЛКСМ о повышении комсомольских и профсоюзных организаций в борьбе за здоровый быт и культуру молодежи от 23 сент. 1958 г. // Там же. Д. 314. Л. 5.

⁴ Решение Ленинградской городской комиссии по делу несовершеннолетних от 23 марта 1963 г. // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. 105. Оп. 1. Д. 1480. Л. 56.

⁵ Заседание идеологической комиссии ленинградского промышленного обкома и ленинградского горкома КПСС от 9 июля 1964 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 91. Д. 115. Л. 49.

⁶ Протокол № 3 заседания пленума Ленинградского городского комитета КПСС от 5 окт. 1966 г. // Там же. Оп. 100. Д. 16. Л. 24.

садах и парках, железнодорожных поездах, на стадионах и т. д.: «В клубах Свердловска и других городов многократно в 1952 г. исполнялись ранее запрещенные Главреперткомом... песни репрессированного композитора Хайта и других авторов; в центральной гостинице города Львова, на катках города Таллина систематически исполнялись взятые из частных источников американские грамофонные записи; в нескольких санаториях системы Министерства здравоохранения массовики-баянисты исполняли и разучивали упадочные песни белоэмигранта Лещенко»¹. На протяжении второй половины 1950-х гг. власти предпринимали усилия, чтобы изменить подобное положение дела, но, видимо, добиться желаемого результата им все же не удавалось. В Ленинграде в конце 1950-х гг. «в репертуаре студии <студии любителей бального танца Ленинграда. – Ф. Я.> предпочтение было отдано западным танцам (фокстрот, медленный вальс, танго), а также не рекомендованным Министерством культуры РСФСР (самба и румба). Студия превратилась в рассадник западной танцевальной культуры, не соответствующей эстетическим вкусам нашего народа и запросам советской молодежи. Ошибочная ориентация ленинградской студии бального танца нашла поддержку среди педагогов Эстонии и Латвии, а также отдельных педагогов Москвы. За последнее время между Ленинградом, Таллином и Ригой стали организовываться конкурсы по бальному танцу. В программу конкурсов, как правило, входили западные танцы (фокстрот, медный вальс, танго), а советские бальные танцы “Русский бальный”, “Подгорка” демонстрировались только вне конкурса»².

Негативные оценки со стороны соответствующих инстанций в отношении музыкальной культуры Советского Союза продолжали появляться и в 1960-е гг. С такой же периодичностью и системностью составлялись документы, призванные изменить положение дел. Конечно, определенный эффект от нормативно-правового творчества центральных органов управления был, но вместе с этим, например, сотрудники ДК им. Ленсовета в конце 1960-х гг. отмечали: «К нам ходят много молодежи, подражающие западным “Бадры”, это гитаристы, поющие довольно пошлые и бессмысленные песенки. Все девочки начиная с 16 лет курят, во время танцев вихляния и на вечерах молодежи участников самодеятельности то же самое. ...О танцах (хали-гали), молодежь надо учить, как правильно танцевать этот танец, а запрет ни к чему доброму не приведет. К нам приходят с битисами, их очень много, им 16–18 лет, они пришли во Дворец, и молодежь их поддерживает. Мы должны их воспитывать, а не отталкивать. ...Мы отбираем лучшие песни Гитиса, стараемся отвлечь их от бульварных бессмысленных песен, приучаем к песням Дунаевского и др. советских песенников»³.

Причины, побуждающие человека нарушать правила и нормы общественной жизни, разнообразны. Свой вклад, как бы парадоксально это ни звучало, вносили и учреждения культуры, вернее – их недостаточная представленность в городской среде: «Неразвитость социально организованных форм краткосрочного досуга становится одной из причин наполнения свободного времени асоциальными и деструктивными способами проведения свободного времени» (Интеллектуальный досуг..., 2015: 61). Именно этот фактор указывается в отчете директора Ленинградского горного института Д.А. Казаковского, когда объясняется «несоветское» поведение (пьянство и драки среди студентов, нарушение правил внутреннего распорядка в учебных помещениях и общежитии) некоторых обучающихся. Директор подчеркивает, что работа по идейно-политическому воспитанию еще не отвечает задачам подготовки высококвалифицированных, всесторонне образованных и культурных специалистов, поэтому значительная часть студентов во внеучебное время не находится в сфере влияния учреждений культуры⁴. Данная причина, приводящая к деструктивному поведению, была характерна и для других возрастных категорий населения: «Именно те рабочие, которые не раз попадали в милицию и в вытрезвитель, почти никогда не бывают на лекциях и встречах с интересными людьми, не выезжают на экскурсии. Свой выходной день они в лучшем случае проводят у телевизора или в кино. Трудно поверить, но многие из них годами не были в театре, не берут книг в библиотеках, “не представляют что им делать” в Филармонии, а некоторые ни разу в жизни не были в Эрмитаже»⁵.

¹ Об ослаблении идеологического контроля за содержанием и качеством исполнения репертуара в концертно-зрелищных учреждениях страны : записка отдела науки и культуры ЦК КПСС с согласием секретаря ЦК КПСС от 19 мая 1953 г. // Аппарат ЦК КПСС и культуры. 1953–1957. Документы / под ред. В.Ю. Афиани. М., 2001. С. 87.

² ЦГАЛИ СПб. Ф. 105. Оп. 1. Д. 877. Л. 1, 2. Документ без названия, но его содержание позволяет определить его тип как объяснительную записку, архивистами датирован 1959 г.

³ Протокол № 4 общего открытого партийного собрания парторганизации ДК им. Ленсовета от 26 марта 1968 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 742. Оп. 5. Д. 28. Л. 10, 11.

⁴ Протокол № 18 заседания бюро Ленинградского городского комитета КПСС от 28 апр. 1954 г. // Там же. Ф. 25. Оп. 69. Д. 96. Л. 7.

⁵ Свободное время. Как лучше организовать досуг трудящихся // Вечерний Ленинград. 1966. 4 окт. С. 2.

Негативное влияние на человека оказывало не только отсутствие музея или театра в его жизни, но и некачественное исполнение работниками учреждений культуры своих должностных обязанностей. На это указывалось в докладе секретаря горкома партии С.П. Князевой «О состоянии и мерах улучшения воспитательной работы с детьми», который был зачитан на пленуме Ленинградского городского комитета КПСС (1954 г.). В нем отмечалось, что партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации совершенно недостаточно уделяют внимания коммунистическому воспитанию детей, а горком и райкомы партии слабо контролируют это направление работы. Подчеркивалось, что недостаточное внимание всех учреждений, причастных к организации досуга детей, приводит к недисциплинированности последних в школе и на улице. Перечисленные негативные тенденции усиливало Управление культуры исполкома Ленгорсовета, допуская показ в кинотеатрах и театрах города «вредных в воспитательном отношении фильмов и спектаклей (“Черный легион”, “Тарзан”, “Королевские пираты” и др.)»¹.

Конечно, дворцы и дома культуры, парки и иные центры досуга советского человека допускали ошибки в работе, не всегда ответственно относились к своим обязанностям, иногда нарушали и законы Советского Союза, но вместе с этим они осуществляли большую воспитательную деятельность среди населения, стремясь приблизить посетителей к идеалу «нового человека». Для этого в их распоряжении находился значительный инструментарий: лекции, семинары, конференции, театральные постановки, тематические вечера, самодеятельность, университеты культуры и т. д. Все это позволяло популяризировать нормы и правила общественной жизни, формировать хорошие манеры, избавлять от вредных привычек и т. д.: «Отвлекать молодых людей от выпивок конкретными делами, интересными занятиями, находя путь к сердцу, желаниям каждого человека. Одного занять физкультурой и спортом, другого – художественной самодеятельностью, третьего – книгой, четвертого – рационализаторским творчеством. В дни получек надо особенно занимать молодежь – широко устраивать культпоходы в театры, клубные вечера, проводить семейные вечера в цехах и общежитиях»².

Искоренению асоциальности поведения советского человека должен был способствовать и существующий образ «нового человека». Предполагалось, что его пропаганда среди жителей СССР создаст условия для трансформации индивида, поскольку «образ – способ взаимодействия человека и мира, посредник между сознанием человека и внешней реальностью. Образ в каком-то смысле является визуальной декларацией действительности» (Горелова, 2011: 258; 2019: 25). Неслучайно, что на протяжении 1950–1960-х гг. в массовом информационном пространстве большое внимание уделялось популяризации идеального образа советского человека через театральные постановки, кинематограф, посредством художественного панно, расположенного в районном или городском парке, и т. д.

Несмотря на прилагаемые усилия работников учреждений культуры и сотрудников других государственных, партийных и профсоюзных органов и организаций, к концу 1960-х гг. так и не удалось достигнуть идеала, который закладывался в концепцию «нового человека», изжить элементы асоциального поведения у некоторых представителей советского социума. Однако это не означало, что затраченные усилия оказались напрасны. Широкий спектр мероприятий создавал условия для преодоления асоциальных практик среди населения и предлагал идеал «нового человека», который, конечно, невозможно было реализовать в действительности, но который обладал хорошим воспитательным посылом.

Список источников:

- Ванюков Д.А. Хрущевская оттепель. М., 2007. 239 с.
Горелова Ю.Р. Образ города в восприятии горожан. М., 2019. 153 с.
Горелова Ю.Р. Предпосылки формирования культурологической модели исследования городской среды (наследие Н.П. Анциферова, И.М. Гревса) // Региональные архитектурно-художественные школы. 2011. № 1. С. 256–259.
Интеллектуальный досуг как фактор устойчивого развития социально-культурной среды урбанизированной территории (на материале Красноярского края) / под ред. Е.А. Ноздренко. Красноярск, 2015. 481 с.
Котова Е.С. Организация досуга в садах и парках Ленинграда в 1950-х гг. // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2018. № 2 (18). С. 177–182. <https://doi.org/10.25513/2312-1300.2018.2.177-182>.

References:

- Gorelova, Yu.R. (2019) *Obraz goroda v vospriyatii gorozhan [The Image of the City in the Perception of the Townspeople]*. Moscow, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage. (In Russian)

¹ Протокол № 2 заседания Пленума Ленинградского городского комитета КПСС от 25 февр. 1954 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 69. Д. 35. Л. 4.

² Стенографический отчет объединенного пленума Леноблсовпрофа ... Л. 7.

- Gorelova, Yu.R. (2011) Predposylki formirovaniya kul'turologicheskoy modeli issledovaniya gorodskoj sredy (nasledie N.P. Anciferova, I.M. Grevsa) [Prerequisites for the Formation of a Cultural Model for the Study of the Urban Environment (the Legacy of N.P. Antsiferov, I.M. Grevs)]. *Regional Architecture and Art Schools*. (1), 256–259. (In Russian)
- Kotova, E.S. (2018) The organization of leisure in the gardens and parks of Leningrad in the 1950s. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*. (2), 177–182. Available from: doi:10.25513/2312-1300.2018.2.177-182 (In Russian)
- Nozdrenko, E.A. (ed.) (2015) Intellektual'nyj dosug kak faktor ustojchivogo razvitiya social'no-kul'turnoj sredy urbanizirovannoj territorii (na materiale Krasnoyarskogo kraja) [Intellectual Leisure as a Factor in the Sustainable Development of the Socio-cultural Environment of an Urbanized Area (Based on the Material of the Krasnoyarsk Territory)] Krasnoyarsk, SFU. (In Russian)
- Vanyukov, D.A. (2007) *Hrushchevskaya ottepel'* [Khrushchev thaw]. Moscow, Mir Knigi. (In Russian)

Информация об авторе

Ф.К. Ярмолич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, доцент Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени акад. И.П. Павлова, Санкт-Петербург, Россия.

Information about the author

F.K. Yarmolich –Ph.D. of Historical Sciences, Research Associate at the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the First St. Petersburg State Medical University named after I.P. Pavlov, Saint Petersburg, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 04.07.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 26.07.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.08.2022.